

Антония Наэль
«Своё» и «чужое»:
Образ врага в эстонской и советской карикатуре
межвоенного периода

Жанр карикатуры широко распространен и популярен во всем мире: это древний вид искусства, способ осмеяния обидчика и самоутверждения, способ изживания страха. Впервые слово «карикатура» (от итальянского *caricare* — «нагружать», «преувеличивать») с этой целью было упомянуто в книге «Христианская Мораль» Томаса Брауна¹. В России началом истории карикатуры можно считать лубочные картинки, появившиеся под влиянием немецких «потешных листов»².

Карикатура в юмористической, а чаще в сатирической форме изображает реальных лиц и острые социальные, политические, бытовые события и явления. Она может быть доброжелательной или оскорбительной, служить политическим целям или создаваться исключительно ради развлечения. Карикатура — один из способов передачи информации, нуждающийся именно в интердисциплинарном изучении: помимо того, что она находится на стыке слова и изображения, большой интерес представляют социологический и этносоциологический контексты, в которых карикатура выступает в момент своего появления.

В статье проводится выборочный анализ советской и эстонской карикатуры в межвоенный период, который отмечен сложной системой взаимоотношений Советского Союза и Эстонии, впервые в своей истории получившей в 1920 году государственную независимость. Предстоит дать характеристику времени, о котором пойдет речь, ответить на вопросы, какими видели друг друга русские и эстонцы, какие стереотипные представления отражала в этот пери-

© Antonia Nael, 2011

© TSQ 36. Spring 2011 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Что считалось карикатурой в разные времена?

http://www.karikaturist.ru/history/2009/02/24/history_15288.html

² Лазари де А., Рябов О. Русские и поляки глазами друг друга. Иваново: Ивановский государственный университет. 2007. С. 17.

од карикатура обеих стран, какова ее роль в пропаганде и контрпропаганде, которым отводится заметное место во внешней политике СССР и Эстонии. Настоящая статья представляет собой попытку проанализировать отношения в межвоенный период двух стран, несоизмеримых по своему масштабу и роли в мировой политике, на примере вида искусства, который редко привлекает к себе внимание, однако визуализация тех или иных моментов в отношениях Эстонии и России в указанный период, как мне кажется, позволяет оценить их истинную значимость и понять, каким именно образом, в какой последовательности и каких именно событий выстраиваются те взаимоотношения, которые в 1939 году приведут к частичной, а в 1940-ом — к полной утрате Эстонией своего суверенитета.

В России с первых лет установления советской власти карикатура стала одной из важнейших составных частей агитационно-массового искусства. В этом можно усмотреть не только следование традициям Французской революции, чрезвычайно активно пользовавшейся карикатурой, но и попытку воздействия на самые широкие массы российского населения, которое, как известно, в это время было в большой степени (более 60%) неграмотным³. Использование карикатуры в такой ситуации было более чем уместным, поскольку призвано было компенсировать неумение народа прочесть газетный текст. Советская карикатура, особенно активно развивавшаяся в первые годы советской власти наряду с политическим плакатом, отличается острой политической направленностью.

В первую очередь читатель газеты обращает внимание на графические материалы, и это увеличивает пропагандистские возможности карикатуры, которая частично заменяет рациональный подход иррациональным. Текст может показаться однообразным и скучным, на извлечение информации, в нем заложенной, нужно затратить время и силы. Рисунок поддается быстрой расшифровке, он более увлекателен, зрелищен, более однозначен по смыслу, он не предусматривает чтения «между строк». Нельзя познавать действительность при помощи карикатуры, поскольку карикатура (в настоящей работе, как следует из ее цели, речь идет о карикатуре политической, в которой даже такой жанр карикатуры, как шарж, предполагает не безобидную усмешку, но желание посчитаться с политическим противником) всегда подчинена целям пропаганды. Карикатура — инструмент воздействия на действительность, на общественное сознание.

³ Вашик К. *Метаморфозы зла // Образ врага*. Москва: О.Г.И., 2005. С. 201.

Чтобы проиллюстрировать значение карикатуры в агитационной деятельности и отметить соответствующую риторику, свойственную скорее военному времени, нежели мирному межвоенному периоду, приведем некоторые выдержки из статьи Е. Гнедина о творчестве одного из ведущих советских карикатуристов Бориса Ефимова, где он назван *боевым работником* советской печати, а карикатура — «важнейшим элементом политической борьбы». В статью с обилием пафосных комментариев инкорпорированы письма читателей, исполненные благодарности любимому художнику, в них содержатся призывы еще жестче продолжать политическую войну с врагами советского строя, а карикатура расценивается не как рисунок, но как «изображение-статья»; один из поклонников творчества Ефимова предлагает даже использовать карикатуру как научное пособие и включить ее в учебники⁴.

Советская пропаганда, в соответствии с целями и системой своей наступательной идеологии, делала основную ставку не на информирование населения, а на возбуждение эмоциональных чувств. Сказанное в большой степени относится и к пропаганде Эстонской Республики. В обоих случаях карикатура оставалась одним из излюбленных жанров для объяснения событий, прививки обывателю определенных стереотипов, организации социальных провокаций. По обе стороны границы карикатура находила место на страницах самых читаемых газет и журналов. Наиболее значительную роль она играла в формировании образа врага, без постоянного существования которого в сознании населения жизнеспособность советского строя, как и сопротивляемость ему государственного порядка Эстонии, была бы немыслима. Многогранное исследование образа врага Л. Гудковым и его выводы замечательно применимы и к бытованию карикатуры в советском обществе: «Насилие само по себе не может обеспечивать сохранение и воспроизводство репрессивного режима в течение длительного времени. Для этого власть должна получить массовое признание, а население адаптироваться к условиям, которые задаются существованием подобной системы, то есть вырабатывают ответные навыки взаимодействия с управляющими органами, психологически и социально регулятивные механизмы принятия этого режима власти или идентификации с ним»⁵.

Чтобы в какой-то степени объяснить и оправдать жестокость, советская власть постоянно подогривала массовую истерию и констру-

⁴ Гнедин Е. Борис Ефимов // Политические карикатуры 1924—1934. Москва: Сов. писатель, 1935. С. 5—19.

⁵ Гудков Л. Идеологема врага // Образ врага. Москва: О.Г.И., 2005. С. 8.

ировала врагов (либо преувеличивала значение действительно существующих противников советского строя). По умолчанию в числе врагов Советского Союза состояли все капиталистические страны, но эти внешние враги актуализировались и менялись в зависимости от того, с какими государствами в тот или иной момент обострялись отношения. Конструировались и разряды врагов внутренних — контрреволюционеров, «вредителей», «кулаков», «эмигрантов-белогвардейцев», якобы тайно проникавших на советскую территорию, и т. п. Как верно отмечает Гудков, врагов выдумывают лидеры радикальных движений, неспособные реализовать свои цели легально. Наличие врага позволяло оправдывать тяжелое экономическое положение — народу предлагалось перетерпеть нужду и насилие до тех пор, пока враг не будет повержен.

Одной из основных целей агитпропа этого времени было вызвать ненависть и отвращение к «капиталистической эксплуатации», что должно было послужить дальнейшему росту советского патриотизма. С конца 1920-х гг. действовала дихотомическая оптика теории «двух лагерей», раскалывающая мир на вражеский «агрессивный лагерь капитализма/империализма» и «мирный, свободный от эксплуатации» лагерь Советского Союза⁶. Поэтому маленькая Эстония занимала свое место в ряду враждебных государств; стереотипы «добрая» советская страна и «злая» соседка Эстония внедрялись в сознание не только советских людей, но и международного сообщества. Многие советские художники-карикатуристы отличались подлинным оригинальным талантом, как следствие — их рисунки с удовольствием перепечатавали зарубежные издания. Советская пропаганда была многоадресной: собственный народ, государство, против которого карикатура направлена, и международное общественное мнение.

До середины 1930-х гг. в СССР самым важным был вопрос классовой идентичности, однако затем на первый план стала выходить идентичность национальная. Воспитание в людях советского (с этих пор по большей части русского) патриотизма началось с реабилитации многих фактов дореволюционной истории России: так, еще недавно преданные забвению князья, в том числе Александр Невский, князь Пожарский и другие вернулись в пантеон национальных героев.

Ввиду скромного масштаба Эстонии образы самой страны и эстонцев в советской карикатуре появляются не так часто, как, например, образы мощных европейских государств — Англии, Гер-

⁶ Вашик К. *Метаморфозы зла...* С. 200.

мании, Италии, вечного противника России — Польши, однако и новые прибалтийские государства, и Эстония в их числе, все же находятся под прицелом художников-карикатуристов, а поскольку карикатура, как правило, представляла собой отголоски газетных статей, то можно сказать, что пропагандистская машина не обходила Прибалтику своим вниманием. Соответственно, и Эстония, задетая советскими художниками-сатириками, отвечала карикатурами, хотя, разумеется, порой карикатуры появлялись и вне связи с конкретными событиями.

В качестве примера можно привести реакцию обеих стран на событие, которое потрясло Эстонию и продемонстрировало ей, насколько хрупка суверенность молодого государства и насколько явно страна находится в сфере политических интересов Советского Союза. Речь идет о попытке государственного переворота, инспирированного СССР и предпринятого эстонскими коммунистами 1 декабря 1924 года. Эстонские коммунисты подвергались на родине гонениям с самого начала существования КПЭ (с 1920), но в январе 1924 года полиция начала проводить облавы и арестовывать коммунистов во время собраний. Их обвиняли в аतिकонституционной деятельности, коммунистические издания запрещали. Восстанию в декабре 1924 года предшествовал так называемый «Процесс 149» (10—27.11.1924) — суд над 149 эстонскими коммунистами, арестованными во время облав.

Ян Томп (член ЦК КПЭ) был расстрелян по приговору военного суда, 39 человек приговорены к пожизненной каторге⁷. Советская Россия бурно отреагировала на случившееся; в свете интересующей нас темы «процессу 149» был посвящен целый ряд карикатур. К таковым можно отнести рисунок Юрия Ганфа 149 (Крокодил. 1924. № 26. С. 5), на котором изображены закованные в кандалы эстонские рабочие, проходящие перед судьями, за спинами которых видна гигантская тень императора (Николая II). Комментарий к карикатуре следующий: *Кто говорит, что царский суд уничтожен? Ничего подобного. Он только переехал в Эстонию.*

Борис Ефимов отреагировал на событие карикатурой *Убийство* (Известия ВЦИК. 1924. № 265), изображающей толстого палача в цилиндре с дымящимся пистолетом, а за его спиной — привязанный к столбу труп Яна Томпа. На щеке у палача отпечаток ладони. *Завещание Яна Томпа написано его рукой на лице эстонских палачей*, — сообщает подпись к рисунку.

⁷ Федоровский Ю. Кровавое наследие. Из истории антикоммунистического террора в Эстонии. <http://www.kprf.perm.ru/page.php?id=941>

Отношение эстонских властей к коммунистам ярко демонстрирует карикатура *Moskva korrektsus* [Корректность Москвы] (Kratt. 1925. № 2. С. 17), навеянная уже декабрьским восстанием. На рисунке видим советского солдата в позе кукловода, держащего на поводках собак. Комментарий: *Если вы организуете союз⁸ против коммунистических собак, я больше не смогу поступать корректно и нам придется выступить открыто.*

В августе 1924 года компартия Эстонии (находящаяся в эмиграции в СССР) сообщает ВКПб, что изучила ситуацию на родине и решила организовать переворот. Для поддержки восстания в СССР была сформирована специальная комиссия. Известно, что Советский Союз помогал вооружением и обмундированием, оказывал финансовую помощь, а также готовил на своей территории подразделения (состоящие главным образом из эстонцев-коммунистов, также туда входило некоторое количество финнов), которые в случае необходимости могли бы прийти на помощь восставшим. По плану восстание должно было вспыхнуть в Таллине и охватить остальные города. Полиция знала о факте готовящегося выступления, но не о точной дате. Восстание началось 1 декабря 1924 года в 5.15. Ночью повстанцы встречались на конспиративных квартирах, где формировали боевые группы, получали оружие и боеприпасы. Около трехсот вооруженных людей атаковали ряд объектов в Таллине. Захватили железнодорожный мост возле Вазула и Мустйэ, замок на Вышгороде, резиденцию государственного старейшины (президента), главпочтамт, несколько воинских частей и полицейских участков, Балтийский вокзал, станцию Таллин-Вяйке. При попытке захвата военного училища, министерства обороны и ряда других объектов мятежникам был дан вооруженный отпор. Для подавления восстания использовались вновь сформированные части из офицеров, учебного батальона, полицейского резерва и кадетов военного училища. Под командованием генерала Лайдонера восстание было быстро подавлено. Мятежники убили около 20 человек (в том числе министра путей сообщения Карка) и потеряли убитыми 12⁹.

Мятеж вызвал бурную реакцию не только в самой Эстонии, но и со стороны иностранных держав. Это событие по-разному освещалось в эстонской и советской прессе: попытка государственного пере-

⁸ Очевидно речь идет о планировавшемся военном союзе между Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей. В 1923 году был заключен договор между Эстонией и Латвией. Балтийский Союз удалось заключить лишь в 1934 году. В него вошли три государства: Эстония, Латвия, Литва.

⁹ Попытка коммунистического переворота 1 декабря 1924 года.

http://www.estonica.org/et/1924_a_1_detsembri_kommunistlik_putšikatse/

ворота расценивалась Эстонией как угроза национальной безопасности; СССР трактовал случившееся как свободное волеизъявление трудового народа, как желание эстонцев установить советскую власть и присоединиться к единственному государству рабочих и крестьян; как гражданский порыв. Советский Союз умалчивал о своей роли в подготовке восстания, а Эстонию представлял как страну, пляшущую под дудку Запада и уничтожающую собственных граждан.

Очередное изображение, иллюстрирующее события того времени, представляет собой советскую карикатуру (Борис Ефимов. *Плохое зрение*. 1924. Известия ВЦИК. № 278), на которой изображен эстонский «капиталист» на фоне огромной тюрьмы с увеличительным стеклом, выискивающий коммунистических агитаторов. Комментарий к рисунку следующий: *Эстонский капиталист: — И откуда бы у нас взяться коммунистическим агитаторам? Не тначе — Коминтерн гадит. Ну-ка, поищем!...* (Надпись на здании тюрьмы: *Школа коммунизма для эстонских рабочих*).

Любопытно, что появившаяся три года спустя эстонская карикатура *Hulgalised wangistused N.-Wenes* [Массовые заключения в Советской России; Kratt. 1927. № 30. С. 233] обнаруживает сюжетное сходство с описанным выше рисунком. Можно предположить, что эстонский художник видел советскую карикатуру и вспомнил ее, реагируя на события 1927 года. На эстонской карикатуре присутствует точно такое же здание тюрьмы, как и на советской, но перед тюрьмой изображен вооруженный охранник побрякивающий ключами, а сама тюрьма — это не просто тюрьма, а тюрьма ГПУ (о чем свидетельствует надпись на здании). Подпись к рисунку: *ГПУ: Ну, если англичане теперь явятся¹⁰, то все граждане в надежном месте*.

Следует отметить, что, помимо инструмента формирования образа врага, карикатура способствует развитию одного из базовых и фундаментальных социальных разделений — размежеванию на «своих» и «чужих», архаичному по своему происхождению и характерному для большинства обществ¹¹. Интересно, что и в Эстонской Республике, и в Советском Союзе (в большей степени) это разделение поддерживалось институтами власти. В отношении «своих» действуют иные законы, оценки и нормы поведения (т.н. двойные стан-

¹⁰ Как известно, в 1927 году обострились отношения между Советским Союзом и Англией. Под предлогом внешней опасности в этом же году Сталин запустил механизм массовых репрессий для расправы над неугодными внутри страны.

¹¹ Гудков Л. Фоторобот российского обывателя.
<http://novayagazeta.ru/data/2008/60/06.html>

дарты): что гарантируется, разрешается и прощается «своим», недопустимо со стороны «чужих».

Ярким примером карикатуры, апеллирующей к основным страхам человека, к страху перед «чужими», является рисунок *Kui 1. dets. kommunistidel oleks õnnestaniud* [Если бы коммунистам повезло 1 декабря; Kratt. 1925. № 4. С. 2—3]. Изображение демонстрирует изменения в жизни эстонцев в случае прихода к власти коммунистов. А произошло бы, как полагал карикатурист, следующее: 1. У крестьян было бы украдено все имущество. 2. У комиссаров был бы большой выбор содомков среди эстонских женщин. 3. Наш солдат был бы отправлен в Бухару и Китай — воевать за коммунизм. 4. Школьницам приходилось бы, в соответствии с новой моралью, в юные годы становиться матерями. Рисунок, соответственно, состоит из 4-х частей: на первой изображен растерянный крестьянин и советский солдат, угоняющий скот; на второй комиссар выбирает женщин из выстроенных перед ним в ряд; на третьей — эстонский солдат в советской военной форме на чужбине; и, наконец, на четвертой — школьницы, нянчащие младенцев.

После суда над Яном Томпом, а также над участниками восстания, президиум московской адвокатуры выразил протест и обратился к адвокатам всех стран с просьбой присоединиться к этому протесту. По мнению Советского Союза, правовые нормы были нарушены, подсудимые получили неоправданно суровое наказание. Эстония ответила карикатурой *Moskva advokatuuri presiidiumi protest* [Протест президиума московской адвокатуры; Kratt. 1925. № 4. С. 1], изображающей солдата (в военной форме XVII века), который, применяя физическую силу — схватив за шею, — заставляет представителя адвокатуры подписать протест. Комментарий к изображению: *Протестуем от имени всемирного права против бесчинств и бессердечия эстонского суда.*

В эстонской карикатуре, поддерживавшей антиномию свой — чужой, коммунисты и Советский Союз предстают как опасные, непредсказуемые «чужаки», агрессивные, глупые, но при этом хитрые и коварные. Визуальная типологизация врага способствует изображению коммуниста-агрессора злобным (искаженная гримаса, оружие в руках); глупым (об этом говорит внешний вид — идиотское выражение лица, отвисшая губа, почесывается в раздумье); мерзким (оборванный, грязный, тощий). Карикатура дает понять, что для этого «чужого» ничего святого нет — он идет грабить, убивать, насиловать; он не чурается лжи и подкупа. Так, на одной из эстонских карикатур — *Vene kommunistid väljaspool Vene piiri* [Русские коммунисты по

ту сторону российской границы Kratt. 1926. № 43. С. 343] — видим коммуниста, читающего ребенку (изображенному, кстати, с папиросой в зубах) одну из книг Ленина. Видя, что чтение не помогает, коммунист подкупает подростков деньгами. Подпись к карикатуре: *Коммунисты решили сделать упор на молодое поколение и в дальнейшем поддерживать его не только духовно, но и материально. Из газет. — Так с распространением коммунизма далеко не уйдешь. — Наме лучше денег и подите сделайте на них высокоидейный коммунизм.*

Некоторые изображения не только высмеивают и обличают, но в определенной степени пугают зрителя/читателя, что, по всей видимости, и было одной из задач государственных умов Эстонии. Есть рисунки, где противник изображен в виде животного — как правило, это пес или медведь. На некоторых карикатурах «чужой» показан в виде смерти, скелета.

В советской карикатуре антиномия свой-чужой несколько сложнее: Эстония делится на трудовую и буржуазную, на рабочих, которые изображались страстотерпцами, и власть имущих — жестоких палачей-капиталистов. Яркий тому пример — рисунок Алексея Радакова *Очевидное преимущество* (Смехач (Ленинград). 1924. № 25. С. 8). Карикатура представляет толстых, богато одетых господ, с мнимой заботой и улыбками пристраивающих на виселицу рабочих. Комментарий: *Эстонские «демократы»: Смотрите! Только мы, и никто другой, умеем дать рабочим прочное, удобное и высокое помещение, в бесплатное пользование до самой смерти!*

Советский Союз представлялся Эстонии агрессором, от которого исходит опасность экспансии и угроза национальной безопасности. Эту точку зрения разделяло подавляющее большинство эстонцев (за исключением коммунистов). Советский Союз видел Эстонию двояко, условно говоря, Эстонию 1 (буржуазную) и Эстонию 2 (рабочую). Отсюда формулировалась миссия: избавить Эстонию 2 от Эстонии 1, таким образом, мессианский характер отношения СССР к Эстонии заранее оправдывал намерения присоединить к себе ЭР, трактуя их как руку помощи, протянутую эстонским трудящимся..

Это небольшое исследование позволило на примере карикатуры показать возможности для дальнейшей работы по выяснению целей и средств коммуникации двух стран на внешнеполитическом уровне.